

Трибуна молодого автора

УДК 821.161.1-31.09(045)

А.А. Касьянова

«СВОЙ» И «ЧУЖОЙ» МИР (В КОНТЕКСТЕ ЖАНРА «ХОЖДЕНИЙ») РОМАНА И. А. ГОНЧАРОВА «ФРЕГАТ "ПАЛЛАДА"»: НАЧАЛО ПУТЕШЕСТВИЯ

В статье рассматривается представление путешественником «своего», родного мира (Россия) и «чужого» мира, обозначенного пространством моря и другими странами, в начале романа И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”», в контексте жанра «хождений». Жанр «хождений» является одним из самых ранних жанров русской литературы – первым произведением в нем стало «Хождение игумена Даниила в святую Землю», датированное XII в. На заре существования жанра «хождения» писались паломниками и поэтому имели ярко выраженный религиозный оттенок. В дальнейшем жанр претерпевает ряд изменений, постепенно обретая светский характер. По сути, паломник превращается в путешественника, который начинает описывать свое путешествие с самого начала, детализируя собственные впечатления. Одним из компонентов жанра «хождений» – путешествий, на всех этапах его бытования является описание «своего» и «чужого» мира. На примере представления данных категорий можно проследить, как изменяется структура жанра «хождений», какие черты становятся присущи ему в относительно недалеком прошлом – XIX в.

Ключевые слова: свой, чужой мир, Россия и Европа, жанр «хождений».

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-6-1421-1427

Жанровая специфика «Фрегата “Паллада”» весьма своеобразна: по форме повествования это письма, эпистолярная природа которых не требует от автора особой подготовки текста, позволяя записывать свои мысли в достаточно свободном импровизационном ключе. За внешней, эпистолярной формой можно обнаружить черты таких жанров, как записки, летопись, дневник, «легкий очерк», как характеризовал свой труд сам писатель, а также чисто художественные главы, таковыми, например, являются «Русские в Японии» и «Шанхай» [8, с. 329; 9, с. 766].

Е.А. Краснощекова обнаруживает истоки жанра «Фрегата “Паллада”» в «литературном путешествии» – исторически сложившемся жанре описания литератором («современным поэтом») своего путешествия [7, с.149]. Согласно Г.В. Мосалевой, истоки жанра «литературного путешествия» кроются в древнерусской словесности, а именно, в «хождениях», жанре древнерусской литературы, в котором описывается паломничество/путешествие автора [8, с. 329].

За свою многовековую историю данный жанр претерпел ряд значительных изменений: от ориентации на «рай Небесный» (Небесный Иерусалим) фокус внимания паломника-путешественника сместился в сторону поисков «рая земного» (мир Культуры) [8], отклонившись от представлений средневековой сакральной географии – системы знаний о соотношении объектов на поверхности земли с категориями священного [3, с. 5] (произошло это примерно в начале XV в., самым известным произведением переходного периода стало «Хождение за три моря» Афанасия Никитина). Путешественник перестает быть паломником в прямом значении этого слова, отправляясь в путь по собственной воле (не имея целью посещение святых мест, к примеру, по «заданию» монастыря), либо по причинам, связанным с «материальным» миром.

Вместе с сознанием путешественника меняется и отношение к описанию «своего» и «чужого». В эпоху расцвета жанра «хождений», в XII в., данный жанр характеризовался отсутствием описания деталей путешествия от родины до места паломничества, отсутствием описания обратного пути, следованием сакральной традиции, отсутствием описания мест, не связанных с целью путешествия – паломничества к святыням, отсутствием описания личных впечатлений, эмоций, заменой их на рассказ об общих, присущих каждому единоверцу рассказчика – что, по мысли В.М. Гуминского, вполне закономерно, так как авторов ранних хождений, по-видимому, мало интересовало путешествие в современном понимании жанрового термина, означающего описание перемещений в пространстве и впечатлений от них [5, с. 65]. В поздних образцах уже прослеживаются такие черты, как отсутствие ориентированности на конкретного читателя – ярко выраженное «личностное» построение текста, вкрапление в канву повествования

различных обращений – советов практической направленности возможным читателям, измерение расстояния единицами не только пространства, но и времени, и, самое главное – наличие оппозиции «свое» и «чужое» (прежде паломников «чужое» интересовало лишь настолько, насколько было связано с целью их путешествия-паломничества, оставаясь большей частью за «границами» их сознания, категории «своего» и «чужого» не носили ярко выраженный оппозиционный характер).

Какую же структуру обретает жанр «хождений» в относительно недалеком прошлом – XIX в? Как соотносится со своими более ранними формами в сознании русского путешественника, в его произведении – «Фрегате “Паллада”»? Это можно определить, рассматривая различные аспекты быта, описанию которых писатель-путешественник уделяет внимание. И системообразующим для такого рода исследования становится изучение соотношения (описания) мира «своего» и «чужого» во «Фрегате “Паллада”» как связующего фактора, присущего жанру «хождений» на разных этапах его истории. В данной работе рассматривается отношение мира «своего» и «чужого» в самом начале путешествия И.А. Гончарова на фрегате «Паллада» от Кронштадта до мыса Лизарда, «из России – в Европу», так как именно на данном этапе пути происходит первое столкновение «родного» и «чужого» в сознании автора, а потому описание различий прослеживается наиболее ярко.

Согласно понятию, данному в толковом словаре Т.Ф. Ефремовой, «свое» – это то, что касается лично кого-либо или же то, что исходит от кого-либо; «чужое» – то, что принадлежит кому-либо другому, другим, в переносном значении – то, что далеко по духу, внутренне чуждо, не свойственно кому-либо. То, что не является родным [6].

Уже в первой «записи» мы сталкиваемся с характеристикой «чужого» мира – пока в негативном ключе. Но исходит она не от автора. И.А. Гончаров дает описание той реакции, которую вызвало у его знакомых известие о его путешествии. «Чужим» в данном случае является пространство моря. Многим современникам автора оно знакомо лишь по романам Купера или рассказам Мариета о море и морях, о капитанах, которые едва не сажали пассажиров на цепь, могли жечь и вешать подчиненных, о кораблекрушениях и землетрясениях [2, с. 8]. У самого отправляющегося в неизведанные края путешественника отношение к предстоящему пути складывается двоякое: сначала «чужой» мир предстает в ореоле представлений, навеянных «приключениями Куков и Ванкуверов» [2, с. 9]. Он волшебен, манит своей неизведанностью и экзотичностью. Причем главной категорией стремление к «чужому» становится наличие в ином пространстве «чуда». Автор-путешественник не стремится посетить какую-либо из стран европейского мира, нерукотворными чудесами не обладающих: *«Нет, не в Париж хочу, не в Лондон, даже не в Италию – хочу в Бразилию, в Индию, туда, где солнце из камня вызывает жизнь и тут же рядом превращает в камень всё, чего коснется своим огнем; где человек, как праотец наш, рвет несеянный плод, где рыщет лев, пресмыкается змей, где царствует вечное лето, – туда, в светлые чертоги Божьего мира, где природа, как баядерка, дышит сладострастием, где душно, страшно и обаятельно жить, где обессиленная фантазия немеет перед готовым созданием, где глаза не устанут смотреть, а сердце биться»* [2, с. 9]. При этом в описание этого «чужого», одновременно опасного и притягательного пространства, «вплетается» категория из «своего», родного мира: религиозность. Об этой отличительной черте произведений русской литературы писал Н.А. Бердяев [1]. Слова о «Божьем мире» неким образом нивелируют «чужое» в неизведанном пока пространстве, внося в него частицу «своего» мира. С приходом этого «своего» «чужой» мир из хаотичного и непонятного, пусть и прекрасного, превращается в «Космос» (=порядок): *«Всё было загадочно и фантастически прекрасно в волшебной дали: счастливицы ходили и возвращались с заманчивою, но глухою повестью о чудесах, с детским толкованием тайн мира. Но вот явился человек, мудрец и поэт, и озарил таинственные углы. Он пошел туда с компасом, заступом, циркулем и кистью, с сердцем, полным веры к Творцу и любви к Его мирозданию. Он внес жизнь, разум и опыт в каменные пустыни, в глушь лесов и силою светлого разума указал путь тысячам за собою. "Космос!" Еще мучительнее прежнего хотелось взглянуть живыми глазами на живой космос»* [2, с. 9]. Также стоит отметить здесь обращение к такой категории православной традиции (традиции русской словесности, литературы), как соборность – основа которой лежит во взаимной любви людей друг к другу и их общей любви к Богу [3, с. 86] (*«Он пошел туда... с сердцем, полным веры к Творцу и любви к Его мирозданию»*). Однако постепенно осознание масштабности предприятия, запланированного путешествия, вытесняет прежнюю радость от посещения «чужого» мира. Будущего путешественника пугают не столько опасности пути, сколько неизвестность, постепенно «обрастающая» страхами-«подробностями»: *«...страх нередко и днем и ночью рисовал мне*

призраки бед. То представлялась скала, у подножия которой лежит наше разбитое судно, и утопающие напрасно хватаются усталыми руками за гладкие камни; то снилось, что я на пустом острове, выброшенный с обломком корабля...» [2, с. 10]. Перед отплытием страх путешественника не вернуться домой звучит в одной фразе: *«Увижу ли я опять эти главы и кресты?»* [2, с. 14]. В данном случае «главы и кресты» – то фундаментальное «свое», которое путешественник, русский человек (в системе ценностей которого важное место занимает Церковь), покидает.

С момента отплытия путешественник попадает в мир «чужого» – пространства моря. Встречает оно недружелюбно – сильным ветром, бурей. Однако автор-путешественник принимает такое погодное «недружелюбие» как должное, ибо никогда не путешествовал морским путем: *«...эта первая буря мало подействовала на меня: не бывши никогда в море, я думал, что это так должно быть...»* [2, с. 14]. Полное незнание «чужого» мира и испытания, с которыми приходится в нем столкнуться, не отвращают путешественника от исследования «чужого» пространства. Вместе с тем в пространстве «чужого» автор чувствует себя «дитем»: *«...я еще два месяца буду ходить, как ребенок, держась за юбку няньки»* [2, с. 16]. Непривычка к качке переносится на непривычность к «чужому» пространству в целом. Что касается самого корабля, то он для автора-путешественника, сначала пространство незнакомое, становится полностью «своим», как и сама команда: *«Я перезнакомился со всеми, и вот с тех пор до сей минуты – как дома»* [2, с. 19]; *«Паллада»* – это «островок» Родины посреди «моря» «чужого» пространства *«...мы просто на фрегате; нас пятьсот человек: это уголок России»* [2, с. 45]. Эта аллегория обретает буквальность во время поисков судна автором-путешественником на английской шлюпке – в «чужом» пространстве моря в поисках «Паллады» шлюпка сначала наткнулась на суда других стран: *«Подъехали к одной группе судов: "Russian frigate?" – спрашивают мои гребцы. "No", – пронзительно доносится до нас по ветру. Дальше, к другому: "Nein", – отвечают нам»* [2, с. 45]. «Путь домой» характеризуется как долгий и полный опасностей (образ ночного беспокойного моря: *«дуло свирепо... холод, темнота и яростный шум бурунов»* [2, с. 45]), но там, в «своем» мире, ждет свет, тепло и уют, которые путешественник покинул, пустившись в плавание по «чужому» необъятному миру. Образ дома (который в «чужом» мире представляет фрегат) тесно связан с Православием – добирается до «русского мира», «Паллады», автор-путешественник к всеобщей накануне Рождества. Четкое сознание необъятности мира приходит к путешественнику именно после этого небольшого, но знакового «приключения»: *«пройден только вершок необъятного, ожидающего впереди пространства»* [2, с. 45]. «Чужое» пространство (море) характеризуется неустойчивостью и противоречивостью: *«...воздух вместо толстых стен, пропасть вместо фундамента, свод из сети снастей, качающийся стол... "Не шуми, сиди смирно!" – беспрестанно раздается в обыкновенном порядке береговой стражи. "Шуми, стучи и двигайся!" – твердят здесь на каждом шагу»* [2, с. 45–46]. Вместе с тем автор приходит к выводу о том, что флот – пространство для русского человека не «чужое» (особенно для петербуржцев), вопреки уверениям тех, кто отговаривал его от путешествия, и советует не «постесняться» познакомиться с этим новым для многих современников «миром», приводя в пример собственный опыт: *«Приехав на фрегат, еще с багажом, я не знал, куда ступить... Не прошло минуты, ко мне подошли три офицера... Они разом схватили всё, что было со мной, чуть не меня самого, и понесли в назначенную мне каюту»* [2, с. 18]. Так как для читателя пространство моря предположительно большей частью является «чужим», каким поначалу было и для автора, в тексте постоянно идет «перевод» слов из «морского» обихода на привычный, «свой» для «сухопутного» читателя язык (например: камбуз – печь, большие чашки – «баки», «брать два, три рифа» – уменьшить парус).

Не оставляет автор-путешественник без внимания и отношение к «своему» и «чужому» окружающим. А оно бывает самым разнообразным. Вот какие, к примеру, мысли возникают у экипажа фрегата при виде берегов Швеции и Дании («чужого» пространства): *«Романтики, глядя на крепости обоих берегов, припоминали могилу Гамлета; более положительные люди рассуждали о несправедливости зундских пошлин, самые положительные – о необходимости запастись свежей провизией...»* [2, с. 23–24]. Пространство «чужого» для большинства становится обыденным. Сам автор проявляет к «чужому» пространству определенный интерес, но описывает его пока что весьма сдержанно (все же это европейский мир, а не «экзотичные» дальние страны): *«...здесь не выдавшему никогда ничего, кроме наших ровных степных местностей, в первый раз являются в тумане картины гор, желтых, лиловых, серых, смотря по освещению солнца и расстоянию»* [2, с. 23], *«...длинный, скалистый берег и пустые зеленые равнины»* [2, с. 29].

Пространство Европы (в данном случае, Англии), в первую очередь, в социальном плане, оставаясь «чужим», по причине своей давней известности, схожести с «петербургским обществом», (во многом «европеизированном»), от которого автор-путешественник уезжает (потому, что оно скучно), знакомо, но в негативном плане: оно не может дать новых впечатлений (при «официальном» осмотре, посещении достопримечательностей и музеев), но и «своим» стать не может: «...об Англии и англичанах мне писать нечего, разве вскользь, говоря о себе, когда придется к слову» [2, с. 33], «Мы целое утро осматривали... почти всё то, что есть и в Петербурге...» [2, с. 35], «Сбуду скорее черты этого образа вам и постараюсь забыть» [2, с. 49]. Впечатления от «чужого» в плане описания новой для русского путешественника местности словно бы подернуты туманом, как и сама природа чужой страны. Они размыты и коротки; «чужое» здесь больше странно, нежели интересно: «...везут с невероятной быстротой: хижины, фермы, города, замки мелькают, как писанные. Погода странная – декабрь, а тепло: вчера была гроза; там вдруг пахнёт холодом, даже послышится запах мороза, а на другой день в пальто нельзя ходить» [2, с. 33-34], «...два раза ходил смотреть Темзу и оба раза видел только непроходимый пар» [2, с. 34]. Путешественник проводит четкую границу между англичанами и собой (русскими): «они не русские, а я не англичанин» [2, с. 34]. «Чужое» пространство холодно и неопрятно: «...Темза явилась во всем своем некрасивом наряде, обстроенная кирпичными неопрятными зданиями, задавленная судами» [2, с. 34]; «чужое» пространство города калейдоскопичное, блестящее, туманно-призрачное, изобилующее «пропастями», в которые так легко рухнуть, чем, на наш взгляд, перекликается с образом «обманчивого» Петербурга («чужого», европеизированного). Англичане носят «маски», поэтому выглядят комично для русского человека: «мне лучше нравится смотреть... как встретятся два англичанина, сначала попробуют оторвать друг у друга руку, потом осведомятся взаимно о здоровье и пожелают один другому всякого благополучия; ...на эту важность до комизма на лице, выражение глубокого уважения к самому себе, некоторого презрения или, по крайней мере, холодности к другому, но благоговения к толпе, то есть к обществу» [2, с. 35]. Главное в английском обществе – внешнее, оно мерило человека: «Я бреюсь через день, и оттого слуги в тавернах не прежде начинают уважать меня, как когда, после обеда, дам им шиллинг» [2, с. 40]. Англия предстает как музей: собрание всяких диковинок со всего света, но не отражение настоящей жизни. Основная черта этого пространства – «холодное», рациональное знание: «Лондон по преимуществу город поучительный, то есть нигде, я думаю, нет такого множества средств приобрести дешево и незаметно всяких знаний» [2, с. 36]. Людям представлена возможность ощутить себя «царями творения» – что идет вразрез с православной традицией. Англия – «чужое» пространство чисто материальное, «товарное» – описание сосредоточено не на живых объектах, а на предметах (чаще всего – роскоши): «...мраморные, малахитовые, хрустальные и бронзовые чертоги...» [2, с. 37], «...кучи тканей, драгоценных камней, фарфора, серебра» [2, с. 37]. Практически все можно увидеть (сходить в музей) и купить весьма недорого. Это приводит к моральному обесцениванию, пресыщению и – развращает. Путешественник признает, что русскому человеку это не нужно, хотя устоять бывает очень трудно: «...возвращаясь домой с набитыми всякой всячиной карманами, и потом, выкладывая каждую вещь на стол, принужден сознаваться, что вот это вовсе не нужно...» [2, с. 37]. Английский мир построен не на взаимном доверии, а на материальных доказательствах (расписки), стремлении получить материальную выгоду, поэтому нередко нарушение моральных правил: «Я бы... посоветовал еще узнать до покупки цену вещи в двух-трех магазинах, нигде нет такого произвола, какой царствует здесь в назначении цены вещам. Купец назначает, кажется, цену, смотря по физиономии покупателя» [2, с. 37]. Настоящую жизнь здесь заменяет торговля: «...чего бы вы думали не заметно? – жизни, то есть ее бурного брожения. Торговля видна, а жизни нет: или вы должны заключить, что здесь торговля есть жизнь, как оно и есть в самом деле» [2, с. 40]. Сами англичане – люди с холодным рациональным умом: «Мне казалось, что любопытство у них не рождается от досуга, как, например, у нас; оно не есть тоже живая черта характера, как у французов, не выражает жажды знания, а просто-холодное сознание, что то или другое полезно, а потому и должно быть осмотрено» [2, с. 39]. Судовой священник о. Аввакум сравнивает англичан с китайцами: «...по мелочной, микроскопической деятельности, по стремлению к торгашеству и по некоторым другим причинам» [2, с. 39]. «Свои», русские с «Паллады», чужих обычаев не понимают и следовать им не хотят: «Потом часам к шести сходились обедать во второй раз, так что отец Аввакум недоумевал, после которого обеда надо было лечь "отдохнуть"» [2, с. 47]. Неприятие «чужого» (в сочетании с сильно выраженным соблюдением «своего») порой становится враждебным: «В прогулках своих я пробовал было брать с собою Фаддеева... но раскаялся. Он никому

спуску не давал, не уступал дороги... Он внес на чужие берега свой костромской элемент и не разбавил его ни каплей чужого. На всякий обычай, непохожий на свой, на учреждение он смотрел как на ошибку, с большим недоброежелательством и даже с презрением» [2, с. 47-48]. Англичане держат окружающий их мир в подчинении (все подчинено людской воле) и смотрят на все с точки зрения практичности, их мир теряет живую сущность, сравнивается с вещами и в целом – машиной, как и люди. В английском обществе все автоматизировано, англичане живут по часам (от звонка до звонка будильника), по программе, сливаются с окружающими их машинами, становятся их частью: «Он (англичанин) просыпается по будильнику... Кончив завтрак, он по одной таблице припоминает, какое число и какой день сегодня, справляется, что делать, берет машинку, которая сама делает выкладки: припоминать и считать в голове неудобно. Потом идет со двора. Я не упоминаю о том, что двери перед ним открываются и закрываются назад и вперед почти сами... заводит будильник и ложится спать. Вся машина засыпает» [2, с. 49-50]. Такое отношение к жизни рождает лицемерие, глухоту духовного мира человека, которые видит русский путешественник и описывает с ноткой сарказма: «...он выгодно продал на бирже партию бумажных одеял, а в парламенте свой голос...» [2, с. 49-50], «Филантропия возведена в степень общественной обязанности, а от бедности гибнут... целые страны под английским управлением. Между тем этот нравственный народ по воскресеньям ест черствый хлеб, не позволяет вам в вашей комнате заиграть на фортепиано или засвистать на улице. Призадумайтесь над репутацией умного, делового, религиозного, нравственного и свободного народа!» [2, с. 42-43].

«Чужому», английскому миру и его обществу противопоставляется «свой» мир, воплощенный автором в картине русского быта. Описав распорядок дня англичанина, путешественник берется за рассказ о дне русского барина, к которому такое понятие, как «распорядок», «расписание», неприменимо. Да, в отличие от англичанина, русский человек несобран (спит долго, а просыпается не по будильнику, а когда вздумается, а будильник заменяют дедовские часы – выражение тесной связи с прошлым), четкого порядка в поместье нет (вся челядь разбредается по своим делам, пока барин спит). Механизмы (с помощью которых англичанин выполняет дела по дому) заменяют люди. Машинка – всего лишь предмет и выполняет лишь требуемые от нее функции в то время как человек, несмотря на свою несобранность, способен сделать что-то для других просто так, не входящее в его обязанности, по велению души (Егорка, забывший панталоны барина на дровах, и самовольно отправившийся на пруд с товарищами, тем не менее, принес к обеду корзину карасей, сделал барчонку дудочку из камыша). Счетную машинку русскому барину заменяют приказчик и счеты. Русский человек никуда не торопится (англичанину нужно «...побывать в банке, потом в трех городах, поспеть на биржу, не опоздать в заседание парламента» [2, с. 49], в то время как русскому барину «...по городам ездить не нужно: он ездит в город только на ярмарку раз в год да на выборы: и то и другое еще далеко» [2, с. 50]. Таблицы заменяет календарь. Первым делом русский барин, беря его, справляется, какого святого день, нет ли каких праздников, именин – поздравить родню и знакомых. Гости могут остаться на трое суток – а то и больше. Все это время они с хозяевами проведут за разговорами (частенько вовсе не «полезными» – такими, из которых нельзя извлечь никакой выгоды). Места хватит всем «...сколько бы гостей ни приехало» [2, с. 52]. Запирать шкафы и бюро можно и позабыть. Для англичан такое неприемлемо. Поездку в города и биржу (пространства механизмов) заменяет прогулка по пространству «живого» простора, природе: «Дамы пойдут в сад и оранжерею, а барин с гостем отправились по гумнам, по полям, на мельницу, на луга. В этой прогулке уместились три английские города, биржа» [2, с. 52]. И никакого упоминания о благотворительности среди этой ленивой деятельности: «А барин, стало быть, живет в себя...? Стало быть, он никогда не освежит души своей волнением при взгляде на бедного, не брызнет слеза на отекишие от сна щеки? И когда он считает барыши за не сжатый еще хлеб, он не отделяет несколько сот рублей послать в какое-нибудь заведение, поддержать сседу?» [2, с. 52]. Такие фразы оказываются обманом ожидания с оттенком понимающей грустной иронии: «Нет, не отделяет в уме ни копейки, а отделит разве столько-то четвертой ржи, овса, гречихи, да того-сего, да с скотного двора телят, поросят, гусей, да меду с ульев, да гороху, моркови, грибов, да всего, чтоб к Рождеству послать столько-то четвертой родне... столько-то в год какому-то бедному чиновнику... Этому чиновнику посылают еще сто рублей деньгами к Пасхе, столько-то раздать у себя в деревне старым слугам, живущим на пенсии, а их много...» [2, с. 52-53]. В мире «своего» люди помогают не по регламенту, нет четкой суммы внесения в «пользу бедных» (фунт стерлингов у англичан, который вносится «мимоходом»), эта обязанность в сознании англичанина не отделяется от любой другой, как, например, покупка цыплят или работа в парламенте, и, соответственно, не несет в себе

никакой душевной составляющей), их просто могут впустить в дом «пожить», и будут относиться с уважением, помнить их историю, называть по имени-отчеству, не обезличивать. Такое отношение находит ответный отклик: «*Барин хватился своей табакерки в кармане, ищет глазами вокруг: один старичок побежал за ней, отыскал и принес. У барыни шаль спустилась с плеча; одна из старушек надела ее опять на плечо да тут же кстати поправила бантик на цепце*» [2, с. 53]. Много не складывается с тем, что было насчитано загодя – появляются спонтанные траты: покупка билетов на благотворительный вечер, помощь иностранцу... И у русского человека нет сил отказать. Подводя итог этому портрету русского барина, автор характеризует его жизнь так: «Не по машинке считал!» [2, с. 54]. Относительно текстовой структуры портрет англичанина дается в несколько фраз, в которые вмещен достаточный объем информации (описание дня англичанина). Описание портрета русского человека едва ли не в два раза больше. При этом мысль автора в описании русского человека и его быта обращается к деталям, «отвлекается», в результате чего описание дня переходит в описание всей русской жизни. Такая структура отражает смысл, «ритм» жизни «чужого» (английского) мира и «своего» – русского. Параллель между «своим» и «чужим» в отношении англичан и русских преобразуется в оппозицию: «машина» – «человек» (рациональный ум западного мира – человеческое сердце). И куда бы путешественника ни увлекли чужие шквальные ветры, «чужой» мир моря, его русская родина всегда останется с ним.

Исходя из всего вышеперечисленного, через анализ описания «своего» и «чужого» мира, можно сделать вывод о том, что произведение И.А. Гончарова имеет такие особенности поздней разновидности жанра «хождений», как выраженное «личностное» построение текста с внесением нового элемента – описания не только собственных впечатлений, но и эмоций, чувств окружающих, нередко конкретных людей (о. Аввакум, Фаддеев и др.), их мнения; вкрапление в повествование советов практической направленности, а также содержит черты, присущие русской (православной) словесности (обращение к Божественному, идея соборности как любви и мудрости, порицание западной действительности, отрешившейся от нее в пользу рациональности).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н.А. Собрание сочинений. Т.V. [Алексей Степанович Хомяков. Миросозерцание Достоевского. Константин Леонтьев]. Париж: YMCA-Press, 1997. 578 с. URL: http://az.lib.ru/b/berdjaew_n_a/text_1912_homjakov.shtml.
2. Гончаров И.А. «Фрегат “Паллада”». Очерки путешествия в двух томах. Серия «Литературные памятники». Л.: Наука, 1986. 880 с.
3. Горелов А.А. А.С. Хомяков: учение о соборности и русская община // Журнал Знание. Понимание. Умение. 2017. № 2. С. 78-97.
4. Громов Д.В. Энциклопедия сакральной географии. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. 648 с.
5. Гуминский В.М. Паломническая традиция в русской литературе путешествий // Теория Традиции: христианство и русская словесность. Коллективная монография / Науч. ред., сост., предисл. Г.В. Мосалева. Ижевск: Удмуртский университет, 2009. С. 59-97.
6. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova>.
7. Краснощекова Е. Гончаров. Мир творчества. СПб.: Пушкинский Фонд, 1997. 528 с.
8. Мосалева Г.В. Литургические аспекты романа И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» // Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология. 2018. Т. 28, вып. 3. С. 328-334.
9. Орнатская Т.И. История создания «Фрегата “Паллада”» // Гончаров И.А. «Фрегат “Паллада”». Очерки путешествия в двух томах. Л.: Наука, 1986. С. 763-787.

Поступила в редакцию 10.06.2023

Касьянова Анна Андреевна, аспирант кафедры истории русской литературы и теории литературы
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: ana3538@yandex.ru

A.A. Kasyanova

**THE «MINE» AND «ALIEN» WORLD (IN THE CONTEXT OF THE PILGRIMAGE GENRE)
OF "FRIGATE PALLADA" BY I.A. GONCHAROV: THE BEGINNING OF THE JOURNEY**

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-6-1421-1427

The article reveals the traveler's representation of "mine", native world (Russia) and "alien" world, designated by the space of the sea and foreign countries at the beginning of "Frigate Pallada" by I.A. Goncharov, from the perspective of pilgrimage genre.

The pilgrimage genre is one of the earliest genres of Russian literature – the first work in it was "The pilgrimage of Father Superior Daniel to the Holy Land", dated XII century. At the dawn of the genre, "pilgrimage" was written by pilgrims and therefore had a pronounced religious connotation. In the future, the genre undergoes a number of changes, gradually acquiring a secular character. In fact, a pilgrim turns into a traveler who begins to describe his journey from the very beginning, detailing his own impressions. One of the components of the specifics of the genre of "pilgrimage" – travel, at all stages of its existence is the description of "mine" and "alien" world. Using the example of these categories, it is possible to trace how the structure of the pilgrimage genre changes, what features become inherent in it in the relatively recent past – the XIX century.

Keywords: mine, alien world, Russia and Europe, pilgrimage genre.

REFERENCES

1. *Berdyayev N.A.* Sobranie sochinenij. T.V. [Aleksej Stepanovich Homyakov. Mirosozercanie Dostoevskogo. Konstantin Leont'ev] [Collected works. T.V. [Alexey Stepanovich Khomyakov. Dostoevsky's worldview. Konstantin Leontiev]. – Parizh [Paris]: YMCA-Press, 1997. 578 p. URL: http://az.lib.ru/b/berdjaew_n_a/text_1912_homyakov.shtml.
2. *Goncharov I.A.* "Fregat "Pallada" ["The Frigate "Pallada"] / Oчерки puteshestviya v dvukh tomakh [Sketchbook: 2 volumes / Seriya "Literaturnyye pamyatniki" [Edition "Literary monuments"]. L: Nauka [L.: Science], 1986. 880 p.
3. *Gorelov A.A.* A.S. Homyakov: uchenie o sobornosti i russkaya obshchina [A.S. Khomyakov: the doctrine of sobornost and the Russian Community] // Zhurnal Znanie. Ponimanie. Umenie. 2017, №2 [Magazine Knowledge. Understanding. Ability. 2017, No. 2]. Pp. 78-97.
4. *Gromov D.V.* Enciklopediya sakral'noj geografii [Encyclopedia of Sacred Geography]. Ekaterinburg: Ul'tra. Kul'tura [Yekaterinburg: Ultra. Culture], 2005. 648 p.
5. *Guminskij V.M.* Palomnicheskaya tradiciya v russkoj literature puteshestvij [Pilgrimage tradition in Russian travel literature] // Teoriya Tradicii: hristianstvo i russkaya slovesnost' [Theory of Tradition: Christianity and Russian Literature]. Kollektivnaya monografiya / Nauch. red., sost., predisl. G.V. Mosaleva. Izhevsk: «Udmurtskij universitet» ["Udmurt University"], 2009. Pp. 59-97.
6. *Efremova T.F.* Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj [New dictionary of the Russian language. Explanatory-word-formation]. M.: Russkij yazyk [Moscow: Russian language], 2000.
7. *Krasnoshchyekova E.* Goncharov. Mir tvorchestva [World of creative works]. SPb.: Pushkin Foundation, 1997. 528 p.
8. *Mosaleva G.V.* Liturgicheskie aspekty romana I.A. Goncharova «Fregat "Pallada"» [Liturgical aspects of I.A. Goncharov's novel "Frigate Pallada"] // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya [Bulletin of the Udmurt University. History and Philology series]. 2018. T. 28, vyp. 3 [Vol. 28, issue. 3]. Pp. 328-334.
9. *Ornatskaya T.I.* Istoriya sozdaniya «Fregata "Pallada"» [The history of the creation of the "Pallada Frigate"] // Goncharov I.A. «Fregat "Pallada"». Oчерки puteshestviya v dvuh tomah [Goncharov I.A. "Pallada Frigate". Travel Essays in two volumes]. L.: Nauka [L.: Science], 1986. Pp. 763-787.

Received 10.06.2023

Kasyanova A.A., postgraduate student of the Department of History of Russian Literature and Theory of Literature
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: ana3538@yandex.ru